

по свойственному ей вѣроломству, разруша заключенный съ нашею имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безъ всякаго законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе. И сіе есть то самое время, въ которое христіане, подѣйствомъ ея стѣняще, еще больше почувствуютъ угнетеніе. Соображая горестное благочестивыхъ сихъ сыновъ Церкви Божіа состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемілостивѣйшее разсужденіе и желаемъ сколько возможно избавленію ихъ и пострадѣ споспѣшествовать. Остается только, чтобъ при производимыхъ нашими арміями военныхъ дѣйствійхъ и они сами содѣйствовать потщились. Увѣщаемъ всѣхъ ихъ вообще и каждый особенно полезными для нихъ обстоятельствами настоящей войны воспользоваться къ сверженію ига и къ приведенію себя попрежнему въ независимость, ополчаясь, гдѣ и когда будетъ удобно, противъ общаго всего христіанства врага и стараюсь возможный вредъ ему причинять и чрезъ то общему благому дѣлу возспособствовать и собственному своему жребію, котораго прочность и на предбудущія времена свято и ненарушимо утвердится при заключеніи съ Портою Оттоманскою мира, когда высокомирный непріятель принужденъ будетъ искать онаго отъ насъ. Наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабоженія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержать¹⁾.

Воззваніе было обращено къ Грекамъ и Славянамъ Балканскаго полуострова. Изъ послѣднихъ въ Россіи болѣе другихъ были извѣстны Черногорцы, съ которыми происходили частыя сношенія, особенно при Петрѣ Великомъ и его дочери Елисаветѣ; мы видѣли, что на нихъ преимущественно указывалъ Алекс. Орловъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы отправленъ былъ въ Черногорію совѣтникъ Пучковъ и повезъ 15,000 рублей; онъ долженъ былъ объявить тамошнимъ начальнымъ людямъ, что если Черногорцы учредятъ между собою порядокъ и согласіе, снабдятъ себя воинскими орудіями, введутъ регулярное войско и добрую дисциплину, то и впредь ежегодно будетъ имъ посылаться по 15,000 рублей. Пучковъ долженъ былъ вручить деньги и грамоту митрополиту Саввѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ свѣтскихъ начальниковъ, и развѣдать о настоящемъ состояніи тамошняго народа, о его усердіи къ Россіи, и можетъ ли онъ быть ей полезенъ; такъ же узнать, доходило ли народу жалованье, отправляемое изъ Петербурга съ пріѣзжав-

шими туда черногорскими архіереями. Пучковъ возвратился въ 1760 году и донесъ Иностранной Коллегіи, что: Черногорцы находятся въ крайнемъ безпорядкѣ, не имѣютъ никакихъ у себя добрыхъ учреждений, законовъ и обычаевъ; живутъ въ междоусоби и враждѣ; начальству своему непослушны; а начальство печется не объ ихъ пользѣ, а только о собственной корысти, — такъ, архіерей Василій старался всякими хитростями и обманами выманить у него, Пучкова, привезенныя имъ деньги и, для показанія своего мнимаго кредита, приводилъ къ нему самыхъ простыхъ людей, называя одного княземъ, другаго бояриномъ, третьяго боярскимъ сыномъ. Начальники черногорскіе мало или почти ничего не толковали о Россіи, а русскія деньги расходились по немногимъ рукамъ между начальническими родственниками. Правосудія на Черной Горѣ не знаютъ, ибо каждый дому и фамиліи своей — высшій судья и властелинъ; въ ссорахъ управляютъ поединками, другъ друга рѣжутъ и застрѣливаютъ, а потомъ убѣгаютъ въ другія области; сильныя фамиліи притѣсняють слабыя; если убійца имѣетъ многочисленную фамилію, то и дома живетъ покойно, а потомъ съ помощію денегъ мирятся. Примирителями бывають архіереи съ прочими, которые и сами при такихъ случаяхъ не преминутъ попользоваться, а иногда между воюющими и огонь раздуть не откажутся. Черногорцы вообще очень непостоянны, склонны къ грабежамъ и наполнены самовольствомъ. Въ догматахъ вѣры народъ этотъ ни мало не свѣдущъ, ограничивается крестообразнымъ поклоненіемъ и содержаніемъ постовъ. — Пучковъ однако закончилъ свое донесеніе тѣмъ, что хотя Черногорцы народъ дикій, но „добрымъ предводительствомъ и правоучительнымъ наставленіемъ можно изъ него со временемъ (хотя и съ трудомъ) нѣчто доброе сдѣлать, къ чему никто болѣе способствовать не можетъ, какъ ихъ два архіерея, такъ называемые черногорскіе повелители, съ тою токмо кондиціею, чтобъ архіерей Василій, отъ естества человѣкъ неспокойный, невѣстно честолюбивый, сребролюбивый и возмутительный клеветникъ, между ими не былъ“.

Въ 1762 году, уже при Екатеринѣ, пріѣхали въ Петербургъ Черногорцы, Николай и Иванъ Петровичи, и подали за руками архіереевъ своихъ, Саввы и Василя Петровичей, грамоту, въ которой заключались просьбы: — о позволеніи архіерею Василю пріѣхать въ Россію; объ освобожденіи Черной Горы отъ турецкаго ига; объ указѣ, какимъ образомъ поступать Черногорцамъ съ своими непріятелями, Рагузинцами, которые клеветуютъ на нихъ Портѣ. Иностранная Коллегія, основываясь на дописаніи Пучкова, подала императрицѣ докладъ, что пока въ Черногоріи не будетъ установленъ порядокъ, а установить его трудно, то отъ этого народа никакой пользы для Россіи ожидать нельзя, кромѣ лишнихъ хлопотъ и охлажденія съ Турецкимъ Дворомъ и Венеціанскою республикою, и по-

¹⁾ Московск. Архивъ Мин. Ин. Д. — Сборникъ Русск. Истор. Общ. 1, 2 и слѣд. — Памятники новой Русской истор. I, 142

тому Коллегія разсудила отправить присланныхъ обратно съ письмомъ отъ канцлера къ черногорскимъ архіереямъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, чтобъ Черногорскій народъ пребывалъ въ тишинѣ и покоѣ, и не подавалъ ни Туркамъ, ни другимъ соседямъ своимъ повода къ враждѣ; архіерею Василию пріѣхать въ Россію нельзя, потому что его присутствіе нужно въ отечествѣ. Въѣстъ съ письмомъ, Петровици повезли двѣ золотыя медали на коронацію Екатерины и сто золотыхъ жетоновъ. Несмотря однако на письмо, въ 1765 году архіерей Василій Петровичъ явился въ третій разъ въ Петербургъ—подъ предлогомъ поздравленія императрицы съ восшествіемъ на престолъ. По обычаю, онъ просилъ вспомошествованія на возобновленіе церкви, просилъ снабдить его ризницею и митрою; но ризница, митра и 500 рублей денегъ отправлены были митрополиту Саввѣ, потому что Василій умеръ въ Петербургѣ въ мартѣ 1766 года.

Отношенія видимо охладились; Екатерина прямо выражалась, что Иностранная Коллегія съ Черногорцами въ ссорѣ; а между тѣмъ явилась новая причина къ неудовольствію.

Въ 1768 году получены были странныя вѣсти, вслѣдствіе которыхъ пограничнымъ губернаторамъ разсланъ былъ циркуляръ, гдѣ говорилось, что въ Черногоріи явился обманщикъ Степанъ Малый, который выдаетъ себя за императора Петра III-го: „Сей обманщикъ, не довольствуясь тѣмъ, что нашелъ себя пріѣзжимъ и шайку у Черногорцевъ, съ которою началъ уже грабить купеческіе караваны, вздумалъ распространить свой умыселъ разсылкою отъ себя въ разныя стороны эмиссаровъ“. Изъ собранныхъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣній узнали, что въ концѣ 1766 года на Черную Гору изъ Босніи пришелъ человекъ, называвшійся Степаномъ Малымъ; онъ выдавалъ себя за лѣкаря и лѣчилъ раненыхъ; но, между тѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорилъ тономъ вдохновеннаго пророка о необходимости перемѣны нравовъ и обычаевъ въ Черногоріи, о необходимости большей чистоты семейной, о необходимости вывести изъ употребленія родовую кровавую месть. Въ это время на Черной Горѣ находился русскій офицеръ, пріѣхавшій туда съ вещами, оставшимися послѣ умершаго въ Петербургѣ Черногорскаго митрополита Василія; съ этимъ офицеромъ Степанъ сблизился и часто разговаривалъ; вслѣдствіе этихъ разговоровъ, у него родилась мысль выдать себя за Русскаго императора Петра III, чтобъ могущественнымъ обаяніемъ этого имени заставить Черногорцевъ ввести у себя преобразованія, необходимыя для успѣшнѣйшей борьбы съ Турками. Въ 1767 году Степанъ отправился съ Черной Горы въ Бокка да-Каттаро и работалъ тамъ въ каменщикахъ; тутъ уговаривалъ онъ одного изъ товарищей, каменщика, чтобъ шелъ въ Россію и отнесъ туда его письмо; потомъ перешелъ въ мѣстечко Майну, гдѣ сталъ жить въ работникахъ у тамошняго обывателя Марка Буковича Вовара, у котораго вы-

лѣчилъ раненаго брата. И здѣсь стали слышать отъ него таинственныя рѣчи: „Когда Господь Богъ восхошетъ, то я сдѣлаю, что никто изъ васъ не будетъ носить никакого оружія“. Въ народѣ пошли толки, что Степанъ Малый не простой человекъ; рассказывали, какъ онъ посылалъ каменщика въ Россію; плакалъ, увидя въ одномъ монастырѣ портретъ Петра III-го, хотя, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, сначала онъ выдавалъ себя за Ивана Антоновича, спасшагося отъ смерти; вспоминали, что при своихъ увѣщаніяхъ произносилъ слова: „Недалеко до государя“; говорили, что когда, однажды, кто то облокотился на него, то онъ сказалъ: „Если-бъ ты зналъ, на кого ты облокачиваешься, то бѣжалъ бы отъ него, какъ отъ огня“. Между тѣмъ, разнесся слухъ, что Русскій императоръ Петръ III живъ и странствуетъ въ азіатскихъ областяхъ; нашлись люди, которые указывали на сходство Степана Малаго съ портретомъ Петра III, и вдругъ почти всѣ начали признавать его дѣйствительно за Петра. Къ Малому отправились старики, и, отъ имени митрополита Саввы и народнаго собранія, стали заклинять его, чтобъ сказалъ, кто онъ. Малый отвѣчалъ: „Когда вы истиннаго Бога познаете и сдѣлаете общее и вѣчное между собою примиреніе такъ, чтобъ никакого не было впредь между вами несогласія и кровопролитія, тогда узнаете вы, кто таковъ Степанъ Малый“. Послѣ этого онъ потребовалъ къ себѣ митрополита и упрекалъ его за то, что позволяетъ народу жить по-звѣрски; потребовалъ, чтобъ митрополитъ собралъ всѣхъ Черногорцевъ и установилъ между ними общее и вѣчное примиреніе; чтобъ они взаимно простили другъ другу всѣ обиды, и впредь обиженный искалъ бы судомъ себѣ удовлетворенія, а не мстилъ бы самъ собою. 1 октября созвано было народное собраніе; начинается говорить Марко Тамовичъ, изъ Майны, сопровождавшій покойнаго епископа Василія въ Россію, и увѣряетъ, что Степанъ Малый настоящій Петръ III-й, котораго онъ зналъ въ Петербургѣ. Когда узнали о требованіяхъ мнимаго Россійскаго императора, то собраніе согласилось на общее примиреніе до весны 1768 года, именно до новаго собранія, назначеннаго на Юрьевъ день. Малый разсердился, узнавъ, что народъ уклонился отъ вѣчнаго примиренія, отложивъ рѣшеніе слишкомъ на полгода. Онъ говорилъ старикамъ, объявившимъ ему рѣшеніе собранія: „Кто у кого отнялъ жену, долженъ ее возвратить; прогнавшій отъ себя жену и женившійся на другой, долженъ принять первую и отослать вторую. Если такимъ образомъ учредите вы поступки ваши, то не будете оставлены отъ Бога и отъ Россійскаго Двора“. 8 октября созвано было новое собраніе, гдѣ установили начала всеобщаго и вѣчнаго замиренія: всѣ покаялись не возобновлять усобицъ, выбрали воеводу—Станишича, и старики опять отправились въ Майну объявить объ этомъ Степану. На этотъ разъ Малый встрѣтилъ ихъ во главѣ вооруженнаго отряда, съ обна-

женною саблею, и благодарилъ за послушаніе его совѣтамъ. Старшины пали на колѣни, величая его царемъ и умоляя открыться. Малый отвѣчалъ: „Услышите вы, Черногорцы и другіе сосѣдніе народы, гласъ Бога Вышняго и славу Св. Іерусалима. Я не самъ собою пришелъ сюда, но посланъ отъ Бога, Котораго таковъ гласъ слышала я: Возстанъ, иди и трудись, Я тебѣ помогать буду“. Взаключеніе, Малый обѣщалъ сдѣлать Черногорцевъ счастливыми навсегда. Съ тѣхъ поръ въ церквахъ поминали императора Петра Θεодоровича, супругу его Екатерину, наслѣдника великаго князя Павла Петровича. Владыка Савва призналъ Малаго Петромъ III-мъ; потомъ, видя, что вся власть переходитъ отъ него къ послѣднему, началъ-было противодѣйствовать ему; но скоро опять примирился. Наружность Малаго описывалась такъ: на видъ ему слишкомъ 30 лѣтъ, сухощавъ, росту средняго, лицо блѣлое, продолговатое, волосы свѣтлорусые, лобъ широко-выпуклый, глаза малые, впалые, сѣрые, быстрые; носъ длинный, — тонковатый; ротъ большой, голосъ женскій; кромѣ Сербскаго языка, Малый говорилъ по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски.

Черногорскій монахъ Софроній Плевковичъ, пріѣхавшій въ Кіевъ, рассказывалъ, что Степанъ въ Майнѣ жилъ у Марка Вуковича сначала какъ юридинъ, а потомъ открылся ему, что онъ Петръ III, но не хочетъ называться этимъ именемъ, а будетъ называться Степаномъ Малымъ. Марко, услышавъ это, палъ предъ нимъ на колѣни и цѣловалъ ему ноги; послѣ этого Степанъ призвалъ митрополита и старшинъ и также объявилъ себя Петромъ III-мъ, прибавивъ, что если они не будутъ его слушаться, то прекращено будетъ имъ денежное пособіе, идущее изъ Россіи. Софроній рассказывалъ, что Малый началъ устроить регулярное войско, обучалъ его военнымъ упражненіямъ. Онъ призвалъ къ себѣ его, Софронія, и просилъ идти къ императору Іосифу въ Вѣну, и когда Софроній спросилъ, кто онъ таковъ, то Степанъ отвѣчалъ: „На что тебѣ испытывать такую великую тайну, будь доволенъ тѣмъ, что ты слышишь, что я Степанъ Малый; я посланъ ни отъ Цесаря, ни отъ царя, но отъ самого Господа Бога Саваоа для спасенія рода христіанскаго, потому что уже девять лѣтъ, какъ Турки моимъ хлѣбомъ питаются“. Софроній долженъ былъ просить въ Вѣнѣ военныхъ кораблей и войска. Въ Глацѣ Софронія задержали, допросили и объявили ему, чтобъ ѣхалъ назадъ: императоръ войска на помощь Малому послать не можетъ. Не смѣя пробираться по Турецкимъ владѣніямъ, Софроній поѣхалъ въ Россію. Относительно наружности самозванца Софроній къ приведенному выше описанію прибавилъ: нижняя губа толстая и отвислая, усы черные небольшіе, волосы темнорусые, лобить нѣсколько оспою, весь лобъ обвязанъ полотномъ, чтобъ закрыть двѣ большія жилы. По свидѣтельству Софронія, Малый зналъ много язы-

ковъ, кромѣ Сербскаго: Итальянскій, Турецкій, Нѣмецкій, Французскій, Англійскій, Греческій и нѣсколько Арабскій. Императрица, по поводу Степана Малаго, писала графу Алексѣю Орлову: „Генераль-маіоръ Подгоричанинъ подозрѣваетъ не безъ основанія, что Степанъ Малый — тотъ самый Итальянецъ Вандини, который въ Канцеляріи опекунства здѣсь дѣло пмѣлъ и, обманувъ здѣсь, выманивъ алмазы у греческаго купца и заложивъ оныя, денегъ взялъ и самъ усакалъ. Подгоричанинъ говоритъ, что описаніе фигуры и лица одного и другого совсѣмъ сходны, а только Вандини не былъ рябъ, а другой рябъ, и къ Подгоричанинымъ писано, что, пріѣхавъ въ Черногорію, Степанъ въ оспѣ лежалъ и такъ рябъ нынѣ, хотя въ Петербургѣ не былъ таковъ“¹⁾.

Сначала Софроніемъ хотѣли воспользоваться: отправить его на Черную Гору, чтобъ онъ поднималъ тамошнихъ жителей вмѣстѣ со Степаномъ Малымъ противъ Турокъ, угговоривши Степана бросить самозванство. Уже написана была инструкция Софронію; но потомъ передумали, и на инструкціи находимъ надпись, что она не состоялась. Софроній отправился на флотъ съ адмираломъ Спиридовымъ. Графъ Алексѣй Орловъ писалъ императрицѣ, что онъ не можетъ одобрить выбора лицъ, отправленныхъ для поднятія турецкихъ христіанъ. Екатерина отвѣчала ему: „Весьма надежна, что все сдѣлается по желаніямъ нашимъ, и прославимся въ сей вѣкъ; спасая многія тысячи, подъ варварскимъ игомъ страдающихъ единовѣрныхъ нашихъ. Что же все сіе не такъ скоро исполнится можетъ, какъ ваше и мое желаніе бы было, то сіе не диво, но въ естествѣ сего великаго затѣя, и весьма похваляю васъ, что вы начали такъ, какъ ко мнѣ пишете. Что же вы не хвалите тѣхъ, кои отселѣ разсланы были, то въ оправданіе сего нынѣ нѣкоторымъ образомъ неосторожнаго поступка я вамъ скажу, что почти съ самаго начала войны, когда графъ Григорій Григорьевичъ подалъ проектъ о посыланіи флота въ Средиземное море, думано было, какъ бы тѣхъ народовъ, съ кѣмъ вы теперь порядкомъ дѣло имѣете, склонить и приготовить въ нашу сторону; съ Черногорцами же Иностранная Коллегія почиталась въ ссорѣ. Признаться же должно, что въ самое то время множество Грековъ, Сербинъ и прочіе единовѣрные авантюрьеры начали совѣщаться ко многимъ съ планами, съ проектами, съ переговорами, и между ними, такъ сказать, брошенный подполковникъ Эздемировичъ, по чину, по лѣтамъ и потому, что онъ уже заслугу ту имѣлъ передъ собою, что въ прежнее время нѣсколько сотъ разныхъ народовъ вывезъ на поселеніе въ Новороссію, казался лучшимъ, и какъ вступили съ нимъ въ разговоры и переговоры, и

¹⁾ Рассказъ архимандрита Аввакума въ Вѣнѣ кн. Димит. Мих. Голицыну; рассказъ Софронія; извѣстіе графа Cattaneo изъ Венеціи; реляція Антонія Ренье, генеральнаго провизора Далмаціи — въ Московск. Архивъ Мин. Ин. Д. — Собр. Русск. Истор. Общ. I, 16.

наскакалъ Ефимъ Вѣличъ, и сталъ съ нимъ на одной квартирѣ, и, по сказкамъ Эдземировича, ему открылся, что онъ присланъ отъ Степана Малаго. Сей отъ насъ писаннымъ къ Черногорцамъ въ прошлыхъ лѣтахъ публичнымъ манифестомъ объявленъ обманщикомъ; но какъ его описывали тамъ весьма сильнымъ, то вздумали его (Вѣлича) употребить, запрета ему обманъ, съ тѣмъ и Эдземировичъ и Вѣличъ, не имѣвъ кого лучше, и отправлены были; я думаю, что и Грекъ Петушинъ въ подобномъ казусѣ, то есть лучше его не нашли¹⁾.

Софронія не отправили въ Черногорию, боясь, какъ видно, увеличить имъ число „авантюрьеровъ“. Но и выборъ Иностранной Коллегіи оказался неудачнымъ. Еще лѣтомъ 1768 года отправленъ былъ совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, Меркъ, на Черную Гору съ увѣщательною грамотою къ тамошнимъ жителямъ, чтобъ не вѣрили самозванцу. Отъ 9 августа Меркъ прислалъ донесеніе, что ѣхать на Черную Гору, не подвергая себя смерти, никакъ не могъ, ибо Черногорцы необыкновенно привязаны къ Малому. Екатерина написала на его донесеніи: „Если-бъ капитанъ гвардіи былъ посланъ съ грамотою къ Черногорцамъ, то бы письмо несумнѣнно отдано было, но сей претонкій политикъ возвратился съ ней, ничего не сдѣлавъ, окромѣ преострыя размышленія; я совѣтую его изъ Вѣны отозвать, ибо видно, что онъ способенъ великую имѣть здѣсь употребленію быть въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а тамъ на него изойдетъ лишь лишняя Коллегіи издержка“²⁾. На Черную Гору съ грамотою, возбуждавшею христіанъ противъ Турокъ, съ порохомъ и свинцомъ отправился генераль-маіоръ кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, подъ именемъ купца Барышникова. Но для удобства сношеній съ Черною Горю нужно было соглашеніе съ Венеціанскою республикою. Съ перваго раза казалось, что Венеція, изстари враждебную къ Портѣ, нетрудно привлечь на русскую сторону; но Венеція не была уже прежняя отважная владычица южныхъ морей: это былъ разлатавшійся трупъ. Венеціанское правительство боялось всякаго движенія, ибо всякое движеніе могло болѣзненно потрясти и даже разрушить дряхлое государственное тѣло. Венеція боялась всѣхъ и всего: боялась Турціи, Сардиніи, Австріи, теперь сильно боялась Россіи,—боялась движенія, вносимаго послѣднею въ Славяно-Греческій міръ, боялась потому возстанія своихъ славянскихъ и греческихъ подданныхъ. Съ 1768 года русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Венеціанской республикѣ былъ маркизъ Маруцци. Онъ долженъ былъ внушать Венеціанскому правительству: какъ ему выгодно вступить въ союзъ съ Россіею противъ общаго врага; что всѣ завоеванія достанутся Венеціи, потому что Россія ихъ не хочетъ и не можетъ имѣть въ такой дали. Но Маруцци писалъ

Папину, что Венеціане страшно боятся Турокъ: всѣ войны съ послѣдними были гибельны для республики; Россія далеко не можетъ подать помощи: Маруцци достигъ одного: сенатъ постановилъ открыть Черногорцамъ сообщеніе съ моремъ. Относительно Черной Горы Маруцци писалъ, что владыка Савва—главный виновникъ смуты и кредита Степана Малаго, который увѣряетъ, что настоящая война Россіи съ Портою начата единственно изъ-за него, что его хотятъ сдѣлать владѣтелемъ страны между Скутари и Рагузою. Въ сентябрѣ 1769 года Маруцци переслалъ въ Россію извѣстіе, что кн. Долгорукій успѣлъ проникнуть на Черную Гору, захватилъ Степана Малаго и потребовалъ отъ провидитора каттарскаго позволенія провезти самозванца чрезъ Венеціанскія владѣнія для отсылки въ Россію; провидиторъ обратился къ сенату,—и тотъ велѣлъ пропустить; при этомъ Маруцци писалъ, что Венеціанское правительство обрадовалось аресту Малаго.

Но оно не радовалось другимъ извѣстіямъ: оно узнало, что графъ Орловъ, во время бытности своей въ Венеціи, пригласилъ Славянъ, венеціанскихъ подданныхъ, для вооруженія корсарскихъ кораблей противъ Турокъ, и что эти корабли снаряжаются для Ливорны. Венеціанское правительство очень разсердилось, боясь, что это поссоритъ его съ Турками. Каттарскій провидиторъ извѣщалъ сенатъ, что кн. Долгорукій поднимаетъ Грековъ и особенно подданныхъ Порты; провидиторъ подозрѣвалъ тайныя сношенія Долгорукаго и съ Греками, подданными республики, ибо каждый день дезертировали солдаты изъ венеціанскихъ полковъ; дезертиры шли на Черную Гору, гдѣ имъ давали по 15 солидовъ на день, кромѣ пропитанія; при этомъ не обращали никакого вниманія на дезертировъ изъ Италіянцевъ, а принимали только Славянъ. Провидиторъ доносилъ, что Долгорукій хвалится скорымъ прибытіемъ русской эскадры; совѣтуетъ подданнымъ Порты жить спокойно и платить дань, дожидаясь удобнаго времени для возстанія; что на Черной Горѣ работаютъ постоянно надъ зарядами. Провидиторъ думалъ, что венеціанскія области будутъ въ большой опасности, когда появится русская эскадра; онъ указывалъ на многія селенія, затронутыя русскимъ духомъ; на большое число людей, виновныхъ въ тайныхъ волненіяхъ. По полученіи этихъ извѣстій въ сенатѣ, одинъ изъ членовъ объявилъ, что надобно внимательно заняться дѣломъ, а не дожидаться того времени, когда уже не будетъ болѣе возможности избрать выгоднѣйшую сторону; русская эскадра скоро появится на венеціанскихъ водахъ,—всѣ гавани республики открыты, не укрѣплены: русскимъ кораблямъ трудно будетъ войти въ Каттарскій каналъ; Черногорцы съ прибытіемъ эскадры станутъ еще смѣлѣе; надобно заранѣе подумать о войскахъ, о флотѣ, о финансахъ, ибо все это находится въ печальномъ положеніи.—Надобно подождать, отвѣчали ему, что напишетъ венеціанскій посланникъ, побѣхавшій въ

¹⁾ Московск. Архивъ Мин. Ин. Д.—Сборн. Русск. Истор. Общ. I. 15.

²⁾ Московск. Архивъ Мин. Ин. Д.

Моравію для переговоровъ съ Кауницемъ; не дождавшись отвѣта Кауница, нельзя принять никакого рѣшенія; положеніе дѣйствительно критическое, но надобно знать мнѣніе Вѣнскаго Двора. Отвѣтъ вѣнскаго оракула пришелъ. Когда венеціанскій посланникъ объявилъ Кауницу о черногорскихъ событіяхъ и о рѣшеніи своего сената не пускать въ гавани республики иностранныхъ военныхъ кораблей, то Кауницъ отвѣчалъ, что Австрія и герцогъ Тосканскій будутъ поступать точно такъ-же. Тогда сенатъ положилъ усилить флотъ.

Въ октябрѣ Орловъ вызвалъ Маруцци въ Пизу для переговоровъ о Черногорскихъ дѣлахъ, и поручилъ ему выхлопотать у Венеціанскаго правительства позволеніе ѣздить русскимъ офицерамъ на Черную Гору чрезъ владѣнія республики. Но, по возвращеніи изъ Пизы, Маруцци нашелъ письмо кн. Долгорукаго изъ Анконы, въ которомъ тотъ извѣщаетъ, что непостоянный характеръ Черногорцевъ и ихъ варварскіе нравы заставили его покинуть Черную Гору, передавши начальство Степану Малому ¹⁾!

Долгорукій увидалъ въ первый разъ Малаго 2 августа, когда находился въ монастырѣ Бурчелѣ. Малый пріѣхалъ къ нему верхомъ на лошади, съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ Черногорцевъ; но пусть Долгорукій самъ расскажетъ о впечатлѣніи, какое произвелъ на него самозванецъ: „Разговоры его, поступки и обращенія заставили заключать объ немъ, что онъ въ лицѣ вздорнаго комедіанта представлялъ вѣтренаго или совсѣмъ сумасброднаго бродягу. Росту онъ средняго, лицомъ бѣлъ и гладокъ, волосы свѣтлочерные, кудрявые, зачесаны назадъ; лѣтъ тридцати пяти; одѣтъ въ шелковое бѣлой тафты платье, длинное по примѣру греческаго; на головѣ скуфья краснаго сукна; съ лѣваго плеча лежитъ тонкая позолоченная цѣпь, а на ней подъ правою рукою виситъ икона въ шитомъ футлярѣ, величиною съ русскій рубль; въ рукахъ носитъ обыкновенный турецкій обушокъ; голосъ имѣетъ тонкій наподобіе женскаго; въ рѣчахъ скоръ и выговорка по большей части бошняцкая; разговоры имѣлъ темные и вѣтреные, изъ которыхъ, кромѣ пустоши, ничего заключать не можно, хотя Черногорцы и почитаютъ за пророческое краснорѣчіе со страхомъ и покорностію. По большей части курилъ онъ трубку, запивая стаканомъ водки съ водою, безъ чего не можетъ онъ жить по затвердѣлой привычкѣ“. — Когда Долгорукій отправился въ Цетинье, то на дорогѣ получилъ отъ владыки письмо, что Степанъ Малый, проѣзжая нѣкоторыя села, возмущаетъ ихъ; тогда Долгорукій послалъ губернатору приказаніе взять самозванца подъ арестъ и привести въ Цетинскій монастырь. По словамъ Долгорукаго, главное и наслѣдственное достоинство на Черной Горѣ имѣлъ губернаторъ, который однако, но безпорядочному самовольству, не значилъ ничего, и въ это

время губернаторомъ былъ молодой человѣкъ 20 лѣтъ.

6 августа, послѣ обѣдни, стали собираться народъ на Цетинскомъ полѣ. Въ собраніи прочитана была грамота владыки, въ которой изобличалось слѣдное мнѣніе Черногорцевъ о Степанѣ Маломъ; называя послѣдняго обманщикомъ, лъстепомъ и бродягою, владыка увѣщевалъ Черногорцевъ, чтобы отстали отъ самозванца и старались исправить свою погрѣшность вѣрностію и усердіемъ къ Россійскому императорскому Двору. По выслушаніи грамоты, губернаторъ и прочіе начальныя люди просили Долгорукаго дать письменное объявленіе о самозванцѣ своею рукою и печатью, и Долгорукій далъ заявленіе, что Степанъ — самозванецъ, неизвѣстный въ Россіи. Это заявленіе было прочтено народу, который выслушалъ его спокойно; послѣ обѣда прочтена грамота императрицы, — и народъ приведенъ къ присягѣ, причемъ розданы были вино и деньги. Но на другой день, 7 числа, въ пятомъ часу утра, Долгорукій разбуженъ былъ шумомъ и волненіемъ: явился Степанъ Малый, и народъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ нему. Долгорукій вышелъ, велѣлъ народу разойтись, а Степана взять и отвести въ тюрьму, что и было исполнено; народъ, который сначала бѣжалъ къ Степану, теперь вдругъ сталъ кричать, чтобы его повѣсили, и Долгорукому стоило большого труда успокоить толпу. Въ допросѣ Малый объявилъ, что онъ турецкій подданный, боснійскій уроженецъ, вышелъ изъ Босніи въ малолѣтствѣ, скитался по многимъ государствамъ, наконецъ пришелъ на Черную Гору.

Заключеніемъ самозванца въ тюрьму не кончились затрудненія Долгорукаго. Нравы и обычаи Черногорцевъ были до такой степени противоположны понятіямъ и привычкамъ Долгорукаго, что онъ не имѣлъ никакой возможности или умѣнья уладиться съ ними, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на всей Черной Горѣ онъ нашелъ только одного человѣка, котораго могъ понимать и который могъ его понимать, и этотъ человѣкъ былъ Степанъ Малый, точно такъ-же не сочувствовавшій черногорскому быту и стремившійся преобразовать его по образцамъ, видѣннымъ въ чужихъ краяхъ. Но Степанъ умѣлъ обращаться съ Черногорцами: сталъ дѣйствовать на ихъ религіозное чувство, приобрѣлъ вліяніе какъ пророкъ; онъ вздумалъ-было тронуть другую сильную струну для приобрѣтенія авторитета, возбудивши въ народѣ мысль, что таинственный преобразователь и пророкъ есть не иной кто какъ Русскій императоръ, возбудивши только мысль, ибо онъ имѣлъ осторожность не объявлять себя прямо отъ себя и торжественно, что онъ Петръ III; но эта игра въ самозванство довела его до тюрьмы, и чуть-было не довела до висѣлицы. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ недолго. Долгорукій, отчаявшись сдѣлать что-нибудь на Черной Горѣ, проклиная дикіе нравы тамошняго народа, покинулъ его, но предъ отъѣздомъ освободилъ Малаго, взявши съ него клятву въ вѣрности

¹⁾ Дѣла Венеціанскія 1769 года.